

А.Л. ЛАСТОВСКИЙ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ» В (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются пути адаптации концепта социальной мобильности в советской социологии, ограничения и новые задачи, которые задавались для заимствованной теории в новом контексте. Прослеживаются концептуальные изменения в осмыслении социальной мобильности, произошедшие после распада Советского Союза, дается характеристика ее кризисной парадигмы.

The ways of adapting the concept «social mobility» in Soviet sociology are considered, as well as constraints and objectives that were put forward to the borrowed theory in a new context. The conceptual changes in understanding social mobility that took place after the collapse of the Soviet Union are also traced; the crisis paradigm of social mobility is described.

Лидер правых эсеров Питирим Сорокин свою теорию социальной мобильности создавал в том числе и с установкой на преодоление марксистской классовой теории. Естественно, что в западном мире это не вызвало особых препятствий для принятия его взглядов в социологической науке и нарастающей популярности концепции *социальной мобильности*, но существенно осложнило судьбу этого понятия в Советском Союзе.

Теоретический конструкт, вступающий в прямую полемику с трудами Маркса о классовом строении общества, естественно, не мог быть напрямую включен в советскую науку. Тем не менее концепт социальной мобильности оказался полезным и востребованным для советской социологии, хотя путь к его принятию и включению в эмпирические исследования был замысловат и тернист.

Как и в случае многих других западных теорий, траектория восприятия концепта социальной мобильности проходила через первоначальный этап жесткой критики. Вместе с тем именно критика закладывала пути и возможности для ознакомления с основными постулатами и возможностями работ Сорокина. В данном случае значение имели не столько критические аргументы, поскольку они были достаточно стандартными, сколько реальное знакомство с содержанием, без которого не было бы возможно дальнейшее использование этих идей. Собственно, и работы Сорокина, и других западных социологов, работающих над проблематикой социальной мобильности, были маркированы как «буржуазные», что потребовало в первую очередь развенчания их буржуазной сущности.

Примечательно, что одним из центров такой критики теории социальной мобильности стал Институт философии и права АН БССР. Так, в 1977 г. Т.М. Алпеева защитила здесь кандидатскую диссертацию по философии на тему «Критика американской теории “социальной мобильности”», в которой критически анализировалась теория «социальной мобильности» Сорокина. Вместе с тем стоит отметить, что сама критика была достаточно мягкой (для эксплицитно анимарксистской теории), теория «опознавалась как типичный буржуазный подход... исследование Сорокина, не раскрывая сущности социальной мобильности, является поверхностным, абстрактным, односторонним описанием динамики взаимоотношений классов»¹. Но данная критика скорее напоминает воспроизведение ритуальных формул, которые в те времена являлись обязательными, тогда как само содержание диссертационной работы воспроизводит основные идеи американских социологов.

Еще одной критической работой по западной теории социальной мобильности, защищенной в Институте философии и права АН БССР, стала монография А.С. Круковского «Буржуазные теории социальных перемещений: сущность и функции», в которой основное внимание уделялось критике работ западногерманских социологов. Направление критики было идеологическим по своему характеру, западным социологам приписывалось желание с помощью своих теорий извратить сущность действительных процессов, происходящих в капиталистическом обществе. Утверждалось, что теории социальной мобильности служат целям «прикрытия основных противоречий капитализма, для идейной обработки общественного сознания широких трудящихся масс в интересах буржуазии»². Соответственно сторонники этой теории обвинялись в попытках представить социальное продвижение в качестве важнейшего средства улучшения социального положения каждого работника в капиталистическом производстве.

Естественно, магистральной линией критики теории социальной мобильности стало игнорирование марксистского подхода, что, впрочем, абсолютно верно соответствует интенциям Сорокина. Из этого вытекало и противоречивое отношение к еще одному важнейшему положению теории социальной мобильности – о наличии социальной иерархии в обществе, обуславливающей вертикальную мобильность. Признание существования ярко выраженной социальной иерархии в капиталистическом обществе наталкивалось на серьезные трудности при переносе на общество социалистическое. Согласно марксистскому канону, советское общество рассматривалось как переходная ступень к коммунистическому строю, где полностью сотрутся классовые и социальные различия, и никакой иерархии соответственно быть не может. Для советского общества признавалось наличие классов, но выявление между ними каких-либо отношений власти и подчинения явно выглядело подрывающим устои коммунистической идеологии.

Поэтому постепенная интеграция теории социальной мобильности в советскую науку проходила через предварительный этап критики буржуазных оснований и определенное редуцирование содержания, вытеснение и игнорирование тех концептуальных построений, применение которых для ана-

лиза социалистического общества могло поставить под сомнение марксистский канон. Если в западной социологии исследования социальной мобильности сконцентрировались в первую очередь именно на вертикальном измерении перемещений, то для советских социологов такой шаг мог расцениваться лишь как крамола.

Видение общества как разделенного на классы, различия между которыми будут стираться на пути построения коммунизма, также препятствовало принятию и той части теории социальной мобильности, в которой речь шла о перемещениях по социальной лестнице групп людей. Советские социологи признавали, что в социалистическом обществе могут происходить перемещения в социальном пространстве только индивидов, соответственно речь могла идти только о социальных перемещениях. Поэтому в советской социологической науке понятие «социальные перемещения» длительное время использовалось как заменитель термина «социальная мобильность», созданного в рамках буржуазной теории и требующего дополнительных процедур адаптации при применении в исследованиях социалистического общества.

Вместе с тем исследованиям социальной мобильности придавалось и важное идеологическое значение в качестве весомого аргумента в непрекращающемся соперничестве социалистического и капиталистического строя. Поскольку в исследованиях социальной мобильности проводится анализ реально существующего в обществе социального равенства (в смысле равенства возможностей), то для советских социологов одной из главных задач стало обоснование того, что в буржуазном обществе гораздо четче выражено неравенство, чем в обществе социалистическом. «Результаты сравнительных исследований свидетельствуют о том, что социалистическое общество является гораздо более “открытым” для перемещения, чем общество капиталистическое»³ – таков был обязательный вывод. Большинство работ по изучению социальной мобильности в советский период имело этот выраженный полемический посыл, направленный на утверждение идеалов социалистического общества как идущего по верному пути исчезновения социального неравенства и классовых различий. Как утверждали М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов, социальные перемещения в СССР становятся одной из форм постепенного стирания различий, а вертикальная градация существует постольку, поскольку еще имеется неравенство по степени сложности труда⁴.

Еще одним из обходных путей инкорпорации проблематики социальной мобильности в исследовательский арсенал советской науки стало внедрение новых теорий не через центры академической жизни (Москва и Ленинград), а через периферию. Так, одними из первых плодотворно в этом направлении стали работать эстонские ученые (М.Х. Титма, Э.А. Саара, А.В. Кирха), еще с 1970-х гг. занявшиеся изучением социальной мобильности молодежи. Первоначальная апробация теории впоследствии привела к распространению теории и методологии как легитимной и в масштабе страны. Так, инициированный именно эстонскими учеными лонгитюдный проект по изучению выбора жизненного пути молодыми людьми «Пути поколения» в 1980-х гг. приобрел всесоюзный размах, и в его реализацию включились социологи из многих советских республик, в том числе и белорусские – Е.М. Бабосов, С.А. Шавель и др. Результатом этого исследования стало выявление интенсивных процессов социальной мобильности среди молодежи, поскольку «во всех рассматриваемых регионах социальное происхождение сильно влияет на приобретение социального положения молодежью, т. е. шансы на мобильность и направление мобильности у молодежи разного социального происхождения различаются существенно»⁵.

Уже ко второй половине 1980-х гг. проблематика социальной мобильности стала «нормализованной» для советских ученых и достаточно широко разрабатывалась. Основное внимание при этом уделялось изучению моло-

дежи, соотношения ее ценностей и ориентаций с реальными возможностями для реализации профессиональных устремлений. Естественно, выводы о существовании каких-либо пределов для свободы жизненной реализации сопровождались указанием на их ограниченный и временный характер, и задачей социологов становилось нахождение барьеров, которые еще не были ликвидированы в советском обществе. Одним из аспектов критики западных социологов являлось сведение социальной мобильности к профессиональной. Однако это было справедливо и относительно советских ученых, поскольку они затрагивали лишь трудовую мобильность. Базировались все эти работы на принципах классового подхода, «поскольку общая тенденция развития социологических исследований и их теоретического обобщения с конца 50-х гг. состояла в том, чтобы, опираясь на теорию классов, разработать концепцию стратификации применительно к реально существующему, находящемуся в процессе развития советскому обществу»⁶.

Развал Советского Союза и стремительная трансформация структуры общества резко оживили интерес к проблематике социальной мобильности.

Закрытые ранее темы стали интенсивно разрабатываться. Так, вопрос о механизмах формирования правящего класса в советском обществе стал предметом специального рассмотрения В.А. Борисовым⁷. Несмотря на то что название работы («Социальная мобильность в Советской России») ориентирует на более широкий характер процессов социальной мобильности, здесь в первую очередь рассматривается именно проблема создания советской бюрократии. Российский социолог выделяет несколько специфических каналов социальной мобильности, которые возникли в Советском Союзе: использование «выдвиженцев» (новой когорты интеллигенции, ранее оттесненной на другой план), появление народной интеллигенции из рабочих и крестьян, интенсификация мобильности через применение репрессий. Автор утверждает, что в советском обществе существовал всего лишь один-единственный канал социальной мобильности, находившийся под жестким контролем партии, и тот уже в брежневский период был практически заблокирован, что угрожало жизнеспособности всей общественной системы. Политика перестройки Горбачева как раз и была призвана осуществить возврат к высоким темпам социальной мобильности, характерным для Советского Союза добрежневских времен. Результатом стало появление множества «социальных лифтов», которые обладали высокой пропускной способностью и позволяли осуществить прыжок в высшие политические круги, минуя множество промежуточных ступеней. Вместе с тем невозможность полностью контролировать данный процесс (который ранее регулировался через жесткие репрессии) привела к утрате власти КПСС.

С начала 1990-х гг. идеи Сорокина уже не нуждались в предварительной лакировке для последующего применения. Его работы стали переводиться и широко издаваться, а основные положения теории социальной мобильности обязательно излагались во всех учебниках социологии. Но интеграция западных исследований социальной мобильности, развивавшихся во второй половине XX в., оказалась куда более тяжелым мероприятием. Данное направление социологических исследований характеризовалось нарастанием сложности математического аппарата и повышением требований к точности измерений. Как отмечают белорусские ученые О.В. Терещенко и С.В. Сивуха, многочисленные математические модели социальной мобильности и методы анализа таблиц мобильности нашли лишь частичное применение в работах исследователей из стран бывшего Советского Союза⁸.

Для ученых с постсоветского пространства овладение этой сложнейшей технологией измерений не стало приоритетным. Обзор основных методологических наработок западных социологов в измерении социальной мобильности (конструирование шкалы мобильности, выбор метода обработки данных, проблемы интерпретации данных) предложила М.Г. Бурлуцкая, но в

своей работе она остановилась на репрезентации уже ставших классическими подходов, не выходя на цели их адаптации к специфическому социокультурному контексту⁹. В России были попытки разработать методологические основания для измерения социальной мобильности, в частности, отметим статью В.Ф. Анурина «Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности»¹⁰. Опираясь на теорию Сорокина, в которой в социальном пространстве описываются три основных измерения – экономическое, политическое и профессиональное, – российский социолог предложил выделить в каждом из них базовые показатели, которые в дальнейшем могут использоваться в эмпирических исследованиях. Так, экономическое положение индивида или страты можно измерять по: а) доходу, который определяется как сумма средств, получаемая объектом измерения в единицу времени; б) отношению к собственности, которая будет представлять порядковую шкалу, на нижнем конце которой зафиксировано положение наемного работника, а на верхнем – позиция безраздельного собственника; в) роли в организации труда, т. е. в иерархии управленческой деятельности. Для измерения политического подпространства В.Ф. Анурин предлагает использовать следующие переменные и шкалы: а) ранг государственной иерархии, представляющий собой порядковую шкалу от статуса рядового избирателя до реального главы государства; б) партийную принадлежность (хотя в данном случае существуют серьезные проблемы с разработкой координатной оси партийной принадлежности, поскольку иерархия партий выстраивается по многочисленным основаниям); в) ранг партийной иерархии (фиксация уровня престижа индивида в рамках той политической партии, к которой он принадлежит). И наконец, для измерения профессионального статуса предлагаются следующие переменные: а) образование (которое прямо измеряется количеством лет, затраченным индивидом на получение формального образования); б) квалификация (порядковая шкала, на которой зафиксированы отметки, характеризующие официально признанную степень мастерства); в) ранг профессии, под которым подразумевается престиж конкретной профессиональной деятельности в данном социуме для данного времени. Вместе с тем выделение девяти переменных делает крайне сложным и измерение мобильности, и составление общей модели социального пространства.

Гораздо более простая эмпирическая модель измерения социальной мобильности была опробована М.Н. Реутовой для изучения направления и интенсивности межпоколенной мобильности молодежи. Следует сразу оговориться, что она рассматривает исключительно межпоколенные социальные перемещения, где анализировались различия в социальном статусе по гендерным линиям: «отцы – сыновья», «матери – дочери». Таким образом, были разработаны четыре показателя, характеризующие основные направления межпоколенной мобильности: 1) общая интенсивность (степень отклонения статуса детей от статуса родителей); 2) интенсивность восходящей межпоколенной мобильности, где вычисляется соотношение молодых людей, получивших более высокий профессиональный или образовательный статус по сравнению со статусом родителей; 3) интенсивность нисходящей межпоколенной мобильности (более низкий статус) и 4) нулевая интенсивность, характеризующая воспроизводство социального статуса родителей или приобретение молодыми людьми социальных статусов, условно адекватных родительским¹¹.

Это яркий пример, свидетельствующий о более общей тенденции, распространенной в постсоветской социологии. В эмпирических исследованиях учитывать сложный комплекс из множества переменных становится проблематичным, поэтому на практике социологи все же прибегают к редукции социального пространства, обычно останавливаясь на таких показателях, как доход, престиж профессий и образование. Практически не используется по-

литическое подпространство во многом из-за того, что партийная система в странах бывшего Советского Союза функционирует в режиме, далеком от идеалов либеральной демократии.

Вместо наращивания сложности измерений проблематика социальной мобильности в постсоветском пространстве стала изучаться в ином аспекте, в соотношении с ценностями, установками и идеалами, которые трансформируются при изменениях социального положения индивидов. Наиболее основательно в теоретико-методологическом плане к разработке феномена социальной мобильности как стратегии поведения (т. е. в непосредственной связке с ценностями и установками) подошел украинский социолог С.А. Макеев. Он рассматривает мобильность как значимый выбор индивидами и группами социального и экономического статуса, осуществляемый с учетом наличных условий воспроизводства жизни, ценностей и норм ближайшего социального окружения, представлений о способах и мере удовлетворения потребностей и притязаний. Соответственно центральной для анализа социальной мобильности становится категория поведения. Трактовка мобильности как своеобразной коммуникации между обществом (государственными структурами и хозяйственными механизмами) и индивидом (или группами индивидов) предполагает сложный и комплексный характер исследовательского процесса, реализуемого через совмещение нескольких стратегий. С одной стороны, в сферу исследовательских интересов социолога должно попадать изучение микро- и макросоциально-экономических условий, формирующих конкретную степень предрасположенности к мобильности, с другой стороны, важной задачей является обогащение знания о мобильных индивидах, анализ изменений в их ценностях, потребностях, интересах. «Мобильность как поведение оказывается средством изучения индивидов – их установок, восприимчивости к предложенным условиям жизнедеятельности, сопротивляемости или податливости принудительной силе обстоятельств»¹².

В схожем ключе подошел к рассмотрению социальной мобильности и М.Ф. Черныш, в своих исследованиях он обращается к связи различных типов перемещений человека по социальной лестнице с изменением его общих мировоззренческих установок. Анализируя потоки социальной мобильности в 1985–1993 гг., он выделяет две явно мобильные группы – нисходящую и восходящую – и рассматривает мировоззренческие изменения в этих группах. В результате выявлено, что «среди тех, кто шагнул вверх по социальной лестнице, самоидентификация выражена ярче и потребность в ней сильнее, чем в нисходящей группе. Особенностью восходящей группы является активный поиск идентичности в рамках “средних групп” – поколения, профессиональной группы и т. д. Жизненный неуспех толкает человека на приватизацию частной жизни, уединение в кругу близких родственников, а также, отчасти, в кругу коллег»¹³. Таким образом, выявлено бесспорное влияние мобильности на массовое сознание, восходящая мобильность стимулирует поиск новых ценностей, нисходящая же приводит к переориентации структуры ценностей на микрогруппу и прежде всего семью.

Российский социолог Т.З. Голенкова предлагает при изучении социальной мобильности ставить во главу угла такое понятие, как стиль жизни, связанное с жизненными возможностями, которые, в свою очередь, определяются рынком труда. Используя эти возможности, человек формирует свой стиль жизни, состоящий из компонентов потребительского и культурного характера. «В стабильном обществе, каковым, как можно надеяться, в скором времени станет Россия, стили жизни сложатся в определенную типологию. Внутри каждого типа можно будет выявить степень продвижения людей к важным для них жизненным целям. Именно это покажет, насколько успешно идут дела в обществе в целом, и позволит уйти от традиционных форм измерения мобильности, при которых одни критерии успеха прилага-

лись ко всем гражданам, кто бы они не были, какие бы позиции не занимали»¹⁴. Здесь также отчетливо видна установка на отход от жестких классификаций к более «мягким» методам социологического исследования, ориентированным на вариативность и изменчивость субъективных оценок, в том числе и продвижения по социальной лестнице.

Распад коммунистической идеологии и структурообразующих принципов советского общества привел к резкому слою сложившихся социальных отношений, в постсоветском пространстве на руинах прежней системы начали формироваться новые формы социальных и культурных иерархий. Поскольку социологи традиционно оценивают социальную структуру с учетом нескольких критериев, где «объективные» социально-экономические показатели дополняются «субъективными» оценками престижа, то исследователи социальной мобильности в начале 1990-х гг. столкнулись с очень сложными задачами. Как зафиксировала эту ситуацию в 1995 г. И.В. Мостовая, «мы свидетели бурного, масштабного, интенсивного во времени социального переструктурирования, в котором сочетаются элементы разной степени динамичности, продолжительности, охвата социального пространства, качественной определенности»¹⁵. Измерять перемещение по ступенькам социальной иерархии в стабильном обществе гораздо проще, чем в таком пространстве, где масштаб изменений тотален, темп быстр, а перспективы неясны. «Традиционные методы измерения социальной мобильности мало пригодны в условиях, когда между собой сталкивается старая социальная структура, характеризуемая прежде всего должностными деноминаторами, и новая, возникающая в иных измерениях»¹⁶. Дополнительные сложности создавались тем, что различные критерии формирования социальной структуры имеют и разную скорость изменений, и темп адаптации субъективных оценок к ситуации трансформации значительно запаздывает. Соответственно многие социальные группы резко утратили свои позиции по социально-экономическим показателям (уровень зарплат и т. п.), тогда как уровень социального престижа этих групп снижался с гораздо более медленной скоростью. Например, научные работники из привилегированной группы в советском обществе после 1991 г. по уровню доходов опустились ниже среднего, но престиж науки падал гораздо медленнее.

Радикально изменилась не только социальная структура общества, но и каналы вертикальной мобильности. Как утверждает Е.М. Аврамова, «сложившийся в России тип вертикальной мобильности не носит «классический» рыночного характера, при котором денежный доход является прямым следствием позиции на статусной лестнице, достигнутой вследствие определенного уровня образования и квалификации»¹⁷. Путь вверх определяется наличием связей и денег, что скорее препятствует социальной мобильности как таковой.

Идеологическая функция, которая была свойственна исследованиям социальной мобильности в советское время (утверждение справедливого характера советского общества, где реализована более высокая степень социального равенства, чем в обществе капиталистическом), стала рудиментарной после распада Советского Союза и встречается только в работах небольшого круга социологов, сохранивших верность классовому подходу (М.Н. Руткевич и др.). Но для исследований социальной мобильности после распада Советского Союза характерно определенное единство установок, задающих социальное значение интерпретации результатов в рамках общей оценки развития общества, которую можно назвать кризисной парадигмой. Коротко ее можно охарактеризовать следующим образом: трансформация социальной структуры постсоветских государств определяется увеличением потоков нисходящей социальной мобильности и усилением социального неравенства. Но следует отметить, что периодом расцвета критического осмысления процессов социальной мобильности стали 1990-е гг., тогда как в последнем десятилетии XX в. этот подход себя исчерпал.

Наиболее отчетливо кризисная парадигма раскрыта в коллективной монографии «Социальная мобильность и социальное расслоение», изданной Институтом социологии РАН в 1999 г. Общая оценка российского опыта социальных изменений отражает крайне критический взгляд и утверждает представление о скоротечной нисходящей мобильности целой нации. Следствием реформ, по мнению Т.З. Голенковой, стал глубочайший кризис государственности, неуправляемый процесс приватизации материальных ресурсов, и, как следствие, все более заметная социальная дифференциация. При применении для анализа категории «жизненного стиля» ситуация в российском обществе выглядит совсем неутешительно: «...большая часть людей все еще прозябает в условиях, когда их жизненные возможности минимальны, а жизненные цели нереализуемы»¹⁸.

Анализируя потоки социальной мобильности в России в 1985–1993 гг., Р.Г. Громова приходит к подтверждению первоначальной гипотезы о том, что для постсоветской России характерно преобладание нисходящей социальной мобильности как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Нисходящая мобильность в этот период приобрела массовый характер и была доминирующей. Однако реальные изменения в социальном статусе при отражении этих процессов в общественном сознании были еще более радикальными. Как отмечает российский социолог, именно пессимизм оказался «реальным» фактором, определяющим ситуацию в обществе в условиях трансформации¹⁹.

Наращение нисходящей социальной мобильности российские социологи фиксируют для различных социально-демографических групп. Так, Г.Г. Силласте, анализируя женскую занятость и экономическое поведение в современной России, приходит к выводу, что «после августовских событий 1998 г. массовым стало нисходящее социальное перемещение женщин, приводящее к снижению их должностного и профессионального статусов»²⁰. Как показывают исследования, у среднего класса в российском обществе выражена высокая социальная мобильность, но при этом у большей части дореформенного среднего класса она имеет нисходящий характер, а восходящая социальная мобильность выражена слабее²¹.

Среди российских ученых К.С. Ерохина также фиксирует их *патологическую* мобильность, которая означает потерю научного потенциала и в первую очередь – уход из науки в другие сферы деятельности. Еще более усложняет ситуацию тот факт, что миграционная мобильность в России носит ярко выраженный эмиграционный характер и часто становится безвозвратной (отсутствует обратный поток). Поэтому если в странах Западной Европы и США повышенная социальная мобильность рассматривается как основание эффективности научной деятельности, то диспропорциональность потоков мобильности в России приводит к разрушению человеческого потенциала науки, что требует принятия неотложных мер государственного регулирования²².

Обсуждая проблемы образования, традиционно считающегося одним из основ социальной мобильности, создающим наиболее благоприятные условия для изменения индивидуального статуса, участники круглого стола «Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности» отметили, что в современной России образование скорее закрепляет социальное неравенство и тем самым сужает возможности профессиональной и других форм мобильности. Собравшиеся практически единодушно были во мнении, что в России институт образования весьма далек от идеала равенства шансов (на который претендовало советское общество), наоборот, фиксируется тенденция нарастания неравенства, усиления социальной дифференциации образования по материальному положению семей, «вымывания» слабых в социальном отношении групп из сферы образования вообще²³.

Очевидно, что такие проблемы стоят не только перед российским обществом, но являются общими для стран бывшего Советского Союза. Так, украинский ученый Е.В. Астахова отмечает, что в странах СНГ институт образования утрачивает свою традиционную роль основного канала социальных перемещений. Сама система образования теряет свою массовость и доступность, и одновременно распространяются элитные учебные заведения. «Следовательно, положение индивида в обществе, возможности для его успешного продвижения по служебной лестнице определяются качеством полученного образования, во многом связанного с престижем учебного заведения. Но вместе с тем в качестве каналов вертикальной циркуляции индивидов все больше выступают такие из них, как социально-экономический статус, членство в политических, общественных организациях, личные связи»²⁴.

Отголоски кризисной парадигмы в исследованиях социальной мобильности заметны и в коллективной монографии «Социальная структура, мобильность, идентификация». А.В. Рубанов, автор главы, посвященной изучению социальной мобильности, также отмечает, что по одному из важнейших индикаторов экономического статуса индивидов – реальные денежные доходы – наблюдается неуклонное снижение экономического статуса большинства людей. Фиксируется неоднозначность происходящих изменений в экономической и политической сфере, где заложенные образцы демократизации и либерализации оказываются реализуемыми в далекой от идеала форме. Соответственно общая оценка населением происходящих в стране перемен как идущих в направлении к большей несправедливости также весьма критическая²⁵.

Таким образом, концепт социальной мобильности оказался привлекательным и востребованным для социологов и в СССР, и на постсоветском пространстве. Адаптация теории социальной мобильности была чрезвычайно сложной, очевидно, ввиду многих теоретических посылок, явно противоречащих ортодоксально марксистскому пониманию общества. Судьба этой теории схожа со многими «буржуазными» теориями, подвергавшимися целенаправленной и массивной критике со стороны советских ученых, которые таким противоречивым образом впитывали новые идеи и концепции. Концепт социальной мобильности стал уважаемым и эмпирически затребованным во второй половине 1980-х гг., во многом отражая более широкие процессы укоренения в советском обществе социологической науки как таковой.

Можно отметить и очевидные различия в судьбе этого понятия в западной и постсоветской социологии. Если западные ученые (в первую очередь американские) увлеклись задачами усовершенствования технологии измерения социальных перемещений, все более уходя в дебри математических тонкостей, то данный методологический аппарат оказался практически не востребован учеными из стран бывшего Советского Союза. Вместо «жесткой» версии изучения социальной мобильности, когда акцент ставится на надежность получения и интерпретацию данных, более востребованной оказалась «мягкая» гуманитарная версия, изучающая изменения в ориентациях, мировоззренческих установках, адаптивных стратегиях, жизненных стилях, которые вызывает перемещение вверх или вниз по социальной лестнице.

Другая важная тенденция в исследованиях социальной мобильности – уклон во все большее расширение международных исследований, позволяющих сравнивать ситуацию с социальной мобильностью (и более широко – с социальным неравенством) в различных странах, – также не получила широкого применения. Несмотря на опыт участия в различных компаративных исследованиях (например, «Социальная стратификация в Восточной Европе»), для ученых с постсоветского пространства по-прежнему актуальной остается задача более полной интеграции в международное научное поле. Соответственно ощущается серьезный недостаток в валид-

ной эмпирической модели, которая могла бы быть применена для изучения процессов социальной мобильности как в отдельных странах, так и в более широкой, международной перспективе.

Исследования социальной мобильности в разные времена и в разных обществах всегда выполняли идеологические функции – как легитимации существующего общественного строя, так и его критики. В советское время первые работы, посвященные проблематике социальной мобильности, как раз и осуществляли такое «высокое» предназначение – утверждать превосходство социалистического общества перед западным (как реализующего идеалы справедливости и равенства). В 1990-е гг. вместе с распадом коммунистической идеологии возобладала кризисная парадигма, фиксирующая катастрофические потоки нисходящей социальной мобильности и резкое усиление социального неравенства в постсоветских обществах. Признавая определенную роль настоящей парадигмы в объяснении общественных процессов, все же следует сказать, что на данный момент она практически исчерпала свой эвристический и интерпретационный потенциал. Но новые общие рамки для истолкования эмпирического материала, которые могли бы придать социальной значимость полученным данным и встроить его в процессы общественного самопонимания и самоосмысления, пока имеют туманные очертания.

¹ Алпеева Т. М. Критика американской теории «социальной мобильности»: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мн., 1977. С. 7–8.

² Круковский А. С. Буржуазные теории социальных перемещений: сущность и функции. Мн., 1979. С. 135.

³ Социальная мобильность городского населения. М., 1985. С. 5.

⁴ См.: Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. М., 1970.

⁵ Жизненные пути одного поколения / Под ред. М. Х. Титма. М., 1992. С. 85.

⁶ Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социс. 1999. № 4. С. 22.

⁷ См.: Борисов В. А. Социальная мобильность в Советской России // Социс. 1994. № 4. С. 114–117.

⁸ См.: Терещенко О. В., Сивуха С. В. Социальная мобильность и социальная стратификация: основные понятия и подходы // Социология. 1998. № 4. С. 81.

⁹ См.: Бурлуцкая М. Г. Проблемы измерения социальной мобильности // Рубеж. 1998. № 12. С. 144–157.

¹⁰ См.: Анурин В. Ф. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социс. 1993. № 4. С. 87–96.

¹¹ См.: Реутова М. Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Там же. 2004. № 6. С. 139–142.

¹² Макеев С. А. Социальная мобильность как поведение: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Киев, 1991. С. 26.

¹³ Черныш М. Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социс. 1995. № 1. С. 137.

¹⁴ Социальное расслоение и социальная мобильность / Ред. З. Т. Голенкова. М., 1999. С. 76.

¹⁵ Мостовая И. В. Российское общество: социальная стратификация и мобильность. Ростов н/Д., 1995. С. 123.

¹⁶ Социальное расслоение и социальная мобильность. С. 74.

¹⁷ Авраамова Е. М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 5–12.

¹⁸ Социальное расслоение и социальная мобильность. С. 76.

¹⁹ См.: Громова Р. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социол. журн. 1998. № 1. С. 15–39.

²⁰ Силласте Г. Г. Изменения социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социс. 2000. № 5. С. 30.

²¹ См.: Тихонова Н. Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Там же. № 3. С. 13–23.

²² См.: Ерохина К. С. Социальная мобильность ученых и проблемы ее государственного регулирования // Там же. 2008. № 9. С. 85–93.

²³ См.: Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности // Там же. 2003. № 5. С. 89–100.

²⁴ Астахова Е. В. Высшее образование как фактор социальной мобильности в современном обществе // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. работ. «Харьковские социологические чтения» за 2001 г. Режим доступа: www.sociology.kharkov.ua/docs/chten_01/astahova01.doc

²⁵ См.: Шавель С. А., Смирнова Р. А., Рубанов А. В. Социальная структура, мобильность, идентификация. Мн., 1998.